

— Ты сошел с ума. — Оттолкнув служанку, стоящую позади, побочная супруга Чжао бросилась вперед, яростно колотя его кулаками. — Ты сошел с ума. Как ты мог убить человека? Как ты мог? Ты разве не понимаешь, насколько могуществен этот старый мерзавец? Он не признает никаких родственных связей, а ты убил его сына. Ух...

С учетом характера цензора Цзю её сын теперь действительно обречен. Побочная супруга Чжао почувствовала, как тьма смыкается над её головой, не оставляя ни капли ясности.

В этот момент из винного дома выбежали солдаты, проводившие обыск. За ними несли тело, покрытое окровавленной белой тканью. Зрелище было ужасающим.

— Арестуйте господина Су! — Командир патруля махнул рукой, и несколько человек тут же схватили Су Тяньмина. Убитым оказался сын высокопоставленного чиновника, и это дело не могло закончиться миром. Этот Су Тяньмин действительно искал смерти — кого угодно, но только не сына цензора.

— Отпустите меня! Отпустите, я же сын удельного князя Хэна, внук маркиза Чжэньбэя! — Су Тяньмин в ужасе яростно сопротивлялся, но, не владея боевыми искусствами, он не мог противостоять тренированным солдатам. В два счета его скрутили и уволокли.

— Тяньмин! — Побочная супруга Чжао хотела броситься вперед, но солдаты преградили ей путь мечами.

— Мама, скорее найди дедушку! Скорее найди! Я не хочу умирать, я не хочу умирать! — Су Тяньмин теперь горько сожалел о своей импульсивности. Мог спасти только дед.

— Верно! Отец. — Слова сына словно вернули побочную супругу Чжао к жизни. Она должна найти отца — он точно придумает, как вытащить Тяньмина.

Схватив служанку за руку, она в панике поднялась в карету и помчалась в дом маркиза Чжэньбэя.

Глядя на их стремительно удаляющуюся карету, служанка из павильона Линлун побледнела, развернулась и поспешила во внутренние покои, схватив одного из слуг.

— Беги скорее к Восьмому господину, скажи, что сын побочной супруги Чжао убил третьего сына цензора Цзю в нашем винном доме. Живее!

Слуга, видя её смятение, лишь кивал и бежал, словно у него выросло шесть ног.

В винном доме на углу у окна шевельнулась бамбуковая штора. Тонкие планки раздвинулись, и Су Жому отчетливо увидел, как слуга внизу быстро растворился в толпе.

Сюань Цзи подошел к нему и тоже посмотрел вниз. Они наблюдали за этой сценой от начала до конца.

— Маркизу Чжэньбэю теперь будет не до скуки. Жому, этот ход ты использовал мастерски.

Это нанесло тяжелый удар побочной супруге Чжао, лишило покоя маркиза Чжэньбэя и втянул в дело Восьмого господина, заставив его взглянуть на Су Жому по-новому.

— Как ты меня назвал только что? — Су Жому подошел ближе, улыбаясь мягко.

Сюань Цзи смутился и отвернулся.

— Смотри на суть.

Этот человек: только что его похвалили, а он снова взялся за свое.

— Я считаю, что это и есть суть. — Приблизившись, он провел рукой по его крепкой талии, медленно спускаясь ниже. Он взял его за руку, повернулся и строго посмотрел на него. — Не будь невоспитанным.

Сказав это, он вдруг рассмеялся. Этот человек, похоже, так и останется таким вольным на всю жизнь. Но, подумав, не нашел в этом ничего дурного.

— Поцелуй меня, ну хоть разок.

Обняв его сзади, он прижался головой к плечу и шепнул соблазнительно.

Сюань Цзи усмехнулся, повернулся, посмотрел на него и медленно наклонился, страстно прижимаясь к его губам.

Су Жому слегка запрокинул голову, отвечая на поцелуй, но в следующую секунду оказался в его мощных объятиях.

Сюань Цзи властно притянул его к себе, рука скользнула к пояснице, горячий язык проник в рот. Вчера он только научился целоваться, а прогресс поражал. Обнимая его, Сюань Цзи продолжал целовать, явно чувствуя, как тот возбуждился.

Неизвестно, сколько длился поцелуй, но, наконец, они разъединились, тяжело дыша. Сюань Цзи смотрел на него, полный властности.

— С этого момента тебе запрещено смотреть на других мужчин и женщин. Нельзя позволять другим целовать или обнимать тебя. И запрещено любить кого-то еще. Иначе я убью их.

В этот момент Сюань Цзи был невероятно властен. Всё запрещая, он проявил безграничную собственническую ревность.

Су Жому глядя на его детскую деспотичность, почувствовал сладкую истому в сердце и тихо рассмеялся.

— Тогда, Ваше Высочество, вам придется быть ко мне добрее.

— Я буду целовать тебя каждый день, ладно? Раз он любит, когда я его целую, я буду делать это каждый день, чтобы он был спокоен. Мой человек может любить только меня.

— Благодарю Ваше Высочество за милость, — прислонившись к колонне, Су Жому насмешливо улыбнулся.

Пока внутри двое предавались любви, снаружи Нань Ю, Нань Вэй и Шитоу от изумления чуть не вырвали глаза, поспешно и осторожно прикрыв дверь.

Трое переглянулись, пытаясь подавить шок.

— Думаю, в нашем доме не будет княгини, — с уверенностью заявил Нань Ю, прикладывая руку к груди.

Нань Вэй кивнул.

— Наконец-то я понял, почему Вдовствующая императрица согласилась с его решением не жениться. Она, должно быть, давно всё поняла.

— Ох ты мой, теперь я понимаю, почему наш господин никогда не смотрел на красавиц. Оказывается, его ждало кое-что получше, — Шитоу прислонился к стене, вспоминая неистовый поцелуй внутри, и сам покраснел.

— Непредсказуем же мир! — в один голос сказали трое, глядя на закрытую дверь.

Весть о том, что старший сын удельного князя Хэна убил третьего сына цензора Цзю, разнеслась по всей столице, вызвав шок при дворе. На утреннем приеме чиновники шумели и спорили, а цензор Цзю требовал казни Су Тяньмина в отместку за сына. Маркиз Чжэньбэй, естественно, пытался оправдать Су Тяньмина, и весь двор погрузился в хаос.

Однако даже сам Су Тяньмин признался в убийстве сына дома Цзю. Маркизу Чжэньбэйю, даже если бы у него было семь горлан, не оправдаться. Ему оставалось только смотреть, как Су Тяньмина отправляют в тюрьму и ссылают на 3 000 ли.

В этот момент маркиз Чжэньбэй готов был разорвать Су Тяньмина на куски. Он потратил уйму сил, воспитывая и помогая ему, надеясь, что тот займет место князя, а в итоге тот сам себя погубил своей глупостью.

В этот момент никто не знал, как сильно он устал.

Во дворце Вдовствующей императрицы служанки стояли по бокам, почтительно ожидая приказаний.

Вдовствующая императрица в летнем одеянии сидела на буддийском коврикe, тихо читая сутры. Войдя, матушка Инь почтительно встала позади неё. Услышав шаги, императрица медленно открыла глаза.

— Ну как там?

— Су Тяньмин сослан. Вряд ли он когда-нибудь вернется. Побочная супруга Чжао, говорят, упала в обморок. Неизвестно, что с ней будет. Но учитывая, что сына сослали, а у Су Тяньмина только дочери, её ярость понятна.

Вдовствующая императрица усмехнулась.

— Понятна? Боюсь, она готова растерзать того, кто стоит за этим. Эта женщина полжизни строила козни, а получила такой результат. Зачем? Если бы она вышла замуж в другую семью как законная жена, с её статусом и умением, она бы давно сияла в свете.

Глядя на добрый лик Будды перед собой, Вдовствующая императрица в глазах промелькнула легкая грусть, и она тихо вздохнула.

— Ваше Величество, вы правда согласились с решением принца не жениться? А как же генерал И? — нахмурившись, с беспокойством спросила матушка Инь.

Услышав её слова, Вдовствующая императрица глубоко вздохнула.

— Что мне делать? Юйжун, разве ты не заметила? С тех пор как Жому появился, Цзи словно стал другим человеком. Я никогда не видела, чтобы он так искренне смеялся. Даже если это

из-за мужчины, мне это нравится.

Прожив всю жизнь в дворцовых интригах, она знала, насколько черств этот мир. Она хотела лишь одного: чтобы её дети жили хорошо и были счастливы.

В первой половине жизни, наблюдая за разлуками, ненавистью и убийствами, она давно остыла к мирским чувствам.

— Я не такая мать, как другие, которые ради продолжения рода готовы загнать сына в могилу. Я могу издать указ, чтобы он женился. Он почтительный сын и согласится. Но я знаю, что он станет холоден ко мне, ведь не любит, когда вмешиваются в его дела. Один мой сын уже скован тронном, а другой... в первой половине жизни ради нас с матерью он не раз рисковал жизнью. Я не хочу, чтобы его вторая половина жизни прошла без радости. Если это судьба, я приму её! Я лишь хочу, чтобы остаток дней он прожил счастливо и в согласии.

Многолетние интриги, даже при её добром сердце, обагрили её руки кровью. Дворец — это место, где пожирают людей. Когда она только вошла сюда, она была такой наивной и чистой, думала, что все добрые. А в итоге чуть не погибла, прежде чем поняла: некоторые люди отбрасывают так называемую доброту еще до входа во дворец, и только она все еще глупо верила в неё. Сейчас, вспоминая это, она лишь улыбалась.

<http://bllate.org/book/16720/1537568>